

Миясамэ Аяка ясно ощущала изменения, происходящие с Ван Чуном, но благодаря своей интуиции она знала, что лучше не спрашивать об этом.

– Гунцзы, ситуация, похоже, стала немного сложнее. Похоже, что воины-гогуреоны начеку, – обеспокоенно нахмурилась Миясамэ Аяка.

Как бы скрытно они ни действовали, воины-гогуреоны не были дураками. С таким количеством бесследно исчезающих людей они не могли ничего не заподозрить.

– Угу, – втянув свое искусство Малого Инь-яна, темная тень на мгновение появилась на глабелле Ван Чуна, а затем вернулась в нормальное состояние, – Хехе, не стоит слишком много думать об этом. Мы просто будем иметь дело со всем, что встретится на нашем пути. Даже если гогуреоны что-то заподозрят, у них нет возможности узнать, как и где погибли эти люди. Это также причина, по которой я решил нанести удар только после того, как они покинут базу. Это помешает им выяснить, знаем ли мы, где находится их база, или, более того, они могут даже подумать, что это совпадение, – сказал Ван Чун.

Десятилетия успешной работы под прикрытием сделали гогуреонов самодовольными. Они считали, что Великому Тану невозможно выйти на их след, и были абсолютно уверены в изобретательности своей маскировки.

У них были люди, действующие как в открытую, так и в темноте, и те, кто действовал в открытую, не стали бы делать ничего, что могло бы нарушить закон Великого Тана. Даже если бы Великий Тан послал людей шпионить за ними двадцать четыре часа в сутки, единственное, что можно было бы сделать, – это вывод, что они законопослушные граждане.

С другой стороны, те, кто был в темноте, маскировались под купцов, дворян, телохранителей и тому подобное. Они часто посещали гостиницы, таверны и игорные притоны Гогуреона, чтобы поддерживать связь со своей группой, и обычно оставались немногословными, по возможности избегая разговоров. Даже если им приходилось говорить на людях, они старались говорить только на языке Центральных равнин.

Поэтому королевскому двору было невозможно раскрыть их и их тайную базу. Это было потому, что их тайная база находилась даже не на западе города, а на территории гогуреонов.

Эта сложная схема была тем, чем больше всего гордились и в чем были уверены гогуреоны, и она полностью использовала пробелы в мышлении Бюро военного персонала и Бюро наказаний.

Но Ван Чун чувствовал, что гордость и уверенность, которые они накопили за это время,

можно использовать в своих интересах.

Неважно, сколько людей он убил, пока он держался подальше от базы другой стороны, он не боялся, что другая сторона что-то узнает. Даже если у них были подозрения, вероятность того, что они переместятся, была невелика.

- Но с этими подозрениями они, конечно, будут более осторожны. В будущем это будет не так просто, - высказала альтернативное мнение Миясамэ Аяка.

Гогуреоны обладали огромным влиянием, превосходящим большинство держав Великого Тана. Глупо было бы относиться к ним легкомысленно.

- Осторожны? Пусть будет так. Они на виду, а мы в темноте. Неужели ты думаешь, что мы не сможем победить их с нашей силой? Не забывай, что у нас еще много козырей, которые еще предстоит использовать! - Ван Чун беззаботно хихикал.

Миясамэ Аяка была ошеломлена, прежде чем поняла, что Ван Чун имел в виду. Действительно, Ван Чун был не один!

Зная, что Миясамэ Аяка поняла его намерения, Ван Чун не стал слишком подробно останавливаться на этом. Вместо этого он наклонился и начал обыскивать тело одноглазого толстяка. Вскоре ему удалось найти две шелковые коробочки.

Каждая из них была наполнена золотым женьшенем четырехсотлетней зрелости.

- Как я и ожидал! Почти на каждом из этих гогуреонов есть женьшень!

Хотя Ван Чун не впервые сталкивался с подобной ситуацией, он не мог не быть впечатлен обширными ресурсами Гогуреона. Их богатство в этом аспекте было действительно исключительным. Такие виды женьшеня в возрасте нескольких сотен лет были крайне редки на Центральной равнине, но у каждого из этих гогуреонов было хотя бы по одному. Пока человек был воином Гогуреона, у него почти наверняка был такой женьшень. С такими ресурсами неудивительно, почему империя Гогуреон была настолько способной в выращивании экспертов.

Закрыв две шелковые коробочки, Ван Чун положил их в свой мешок.

- Так, гунцзы, что такое... «Клуб Гогуреон»? - внезапно спросил сомневающийся голос.

Услышав слова Миясамэ Аяки, Ван Чун зашатался и чуть не упал на землю. Он аж закашелялся!

– Миясамэ Аяка, что ты только что сказала? – Ван Чун посмотрел на Миясамэ Аяку с недоуменным выражением лица и чуть не подавился собственной слюной.

– Мой гогуреонский не слишком хорош, поэтому я могу интерпретировать только каждое слово в отдельности, не зная его значения... – Миясамэ Аяка глубокомысленно нахмурилась, пытаясь вспомнить сказанное, – Но если я не ошибаюсь, то, что только что сказал гунзцы, должно быть «Клуб Гогуреон», верно? Что это значит? Почему тот человек рассердился? Есть ли такая поговорка на Центральных равнинах?

Миясамэ Аяка была в недоумении. Когда Ван Чун вышел, он произнес эти два слова, и одноглазый толстяк был мгновенно спровоцирован и тут же бросился в погоню. Это оставило у Миясамэ Аяки очень глубокое впечатление.

– Это... – увидев, что Миясамэ Аяка спрашивает его с таким серьезным выражением лица, Ван Чун почувствовал себя невероятно неловко.

Его первой реакцией было то, что Миясамэ Аяка намеренно дразнит его, но, увидев выражение ее лица, он понял, что она задает вопрос совершенно серьезно!

Откуда ей было знать, что означает «Клуб Гогуреон»? В любом случае это просто жаргонное слово, используемое для того, чтобы обругать другого в другом пространственно-временном континууме, и Ван Чун просто выбрал его, чтобы использовать. Он не ожидал, что оно окажется настолько эффективным и мгновенно зацепит врага.

Тогда он не слишком много думал, поэтому забыл, что в этом мире нет такой поговорки.

Как он должен был объяснить сленг другой стороне?

– Хаха! Я просто произношу случайные оскорбления. У нас еще есть дела, так что давайте двигаться дальше... – не смея больше задерживаться на этой теме, Ван Чун быстро нашел причину, чтобы оправдаться.

Миясамэ Аяка недоуменно смотрела вслед удаляющемуся Ван Чуну, но, словно что-то поняв, губы под вуалью медленно искривились в легкой улыбке.

Пока Ван Чун выслеживал одного за другим воинов-гогуреонов, в другой части столицы споры о назначении Чжанчжоу Цзяньцюна постепенно достигли своего пика.

После месяца молчания один из самых влиятельных министров Великого Тана, старший сын князя Цзю, Ван Ген, выступил при королевском дворе, выразив полную поддержку Чжанчжоу Цзяньцюну в занятии должности военного министра. Это был первый случай, когда влиятельный чиновник открыто выразил свою поддержку Чжанчжоу Цзяньцюну.

После целого месяца фарса все думали, что шансы Чжанчоу Цзяньцюна на посвящение в королевский двор невелики. Однако заявление Ван Гена вновь зажгло пламя надежды, и это могло стать поворотным моментом.

Все в королевском дворе знали, что Ван Ген, будучи чиновником первого ранга, занимающимся политикой, всегда осторожно подходил к решению важных вопросов. Он редко проявлял инициативу, особенно перед лицом большой неопределенности.

Поэтому выражение поддержки Ван Гена привлекло внимание многих людей, и они расценили его как волю всего клана Ван и короля Суна. С тех пор как князь Цзю ушел в отставку, все считали, что влияние клана Ван неуклонно падает. Однако после «инцидента с региональными командирами» уже никто не осмеливался недооценивать клан Ван. Напротив, по мнению всех, после этого инцидента репутация и престиж клана Ван поднялись на новую высоту, превзойдя даже эпоху герцога Цзю. Это произошло потому, что клан Ван заручился поддержкой и уважением другой фракции – военных!

Герцог Цзю и раньше занимался военным делом и участвовал в войнах, но в конечном итоге его нельзя было назвать военным человеком. Поэтому, несмотря на свои достижения, герцог Цзю все еще не пользовался поддержкой командиров и генералов армии.

Но инцидент с региональными командирами принес клану Ван уважение всех ханьских командиров и генералов. Поэтому никто не смел легкомысленно относиться к выражению лица Ван Гена.

Не говоря уже о том, что король Сун также был их могущественным союзником. С поддержкой этой фракции обстоятельства Чжанчжоу Цзяньцюна сразу же изменились.

– Хахаха, Ян Чжао действительно сделал ход! С поддержкой клана Ван, есть шестьдесят процентов шансов, что я смогу войти в центральную политику! Действительно, я не зря потратил свои усилия, помогая им в инциденте с региональными командирами!

В далеком поместье Южного Протектората, одетый в тяжелые доспехи перед костром, с письмом, пришедшим с севера, Чжанчжоу Цзяньцюн разразился хохотом.

Тренировать солдата тысячу дней только ради этого решающего момента. Будь то Ян Чжао или клан Ван, Чжанчжоу Цзяньцюн действительно потратил на них много сил. Пришло время пожинать плоды своих усилий!

– Поздравляю, генерал! – услышав слова Чжанчоу Цзяньцюна, вокруг него поднялся огромный шум. Один за другим элитные солдаты и командиры становились на колени и опускали головы, выражая искреннюю радость за положение Чжанчжоу Цзяньцюна.

По правде говоря, Чжанчжоу Цзяньцюн не терял времени даром на границе последние несколько десятилетий. Проведя много времени в качестве генерального протектора Юга, он

сумел завоевать себе огромную группу преданных и сильных экспертов.

Каждый из его подчиненных был готов отдать за него жизнь, а кроме того, все они были экспертами, способными потрясти своей мощью целый регион.

Они были его самым ценным активом! С такими людьми даже в столице он мог твердо стоять на своем, в отличие от предыдущих военных министров.

– Сяньйой Чжунтун, после моего отъезда в столицу место генерального протектора поместья Южного протектората перейдет к тебе. Сделай некоторые приготовления; позже ты последуешь за мной в столицу. Если ты хочешь прочно занять место генерального протектора Южного поместья, есть несколько человек, с которыми ты должен познакомиться. В будущем это принесет тебе большую пользу! – неожиданно сказал Чжанчжоу Цзяньцун, обернувшись, чтобы посмотреть на честного, густобородого и мускулистого мужчину.

– Да, мой господин! – серьезно ответил Сяньйой Чжунтун, опустив голову.

Чжанчжоу Цзяньцун удовлетворенно кивнул.

Сяньйой Чжунтун не был способным человеком. Скорее, его сила заключалась в том, что он был верным и надежным командиром, который мог идеально выполнить любое поручение, данное ему, типичный командир обороны.

Этого было достаточно, пока Цзяннань был в порядке, поэтому Сяньйой Чжунтун, вероятно, хорошо справился бы с ролью главы поместья Южного Протектората. Но, конечно, важнее всего было то, что Сяньйой Чжунтун был его человеком.

Пока Южный Протекторат находился под контролем его человека, 180 000 элитных воинов, размещенных здесь, можно было считать находящимися в его власти, и они служили основой его влияния.

Таким образом, возможности Сяньйой Чжунтуна не имели для Чжанчжоу Цзяньцуна никакого значения.